

В 1995 году будущий высший руководитель страны спустя двадцать лет всё ещё находился в провинции Фуцзянь, а президентом Южной Африки оставался Мандела.

Сы Сянь стояла на коленях в сырой грязи, облаченная в белые погребальные одежды, а вокруг её талии была повязана веревка из пеньки. Из-за долгого недоедания она исхудала донельзя, её лицо пожелтело, а подбородок стал острым. С тех пор как соседский ребёнок сообщил ей о смерти этого столетнего старика, она уже два дня ничего не ела, коленопреклоненная здесь вместе с родственниками покойного, пока в ушах не переставая гремела и грохотала погребальная музыка. Пальцы Сы Сянь впивались в землю, а под ногтями забились грязь. Она вернулась в 1995 год, действительно вернулась в прошлое, в тот самый год, когда она впервые встретила Сяо Нин. Неужели небеса пожалели её? Она помнила красный плащ, который видела в беспамятстве, и ещё видела мёртворожденного ребёнка — не был ли тот младенец её ребёнком? Её ребёнок призвал божество, неужели такое возможно? Сы Сянь не была суеверным человеком, да и убеждённой материалисткой в полном смысле этого слова тоже не являлась, но за эти два дня все мысли о благоговейном трепете обрушились на неё сокрушительным потоком. Когда Цзы Цзюньнин вернулась на седьмой день после смерти, Сы Сянь думала, что это просто от чрезмерной тоски, ну или из-за какого-то эффекта магнитного поля. Но Цзы Цзюньнин действительно вернулась на седьмой день, вернулась к ней. А теперь она и сама перенеслась в 1995 год, что заставляло её испытывать невольный страх. Неужели их историю можно изменить? Не повлияет ли это изменение на изначальную траекторию и не приведет ли к необратимым последствиям? Если это и впрямь перерождение, то в начале второго семестра нынешнего года обучения в старшей школе она сможет увидеть Цзы Цзюньнин — Цзы Цзюньнин, которая переведётся в первый класс естественнонаучного направления старшей школы. Неужели небеса велят ей изменить их общую судьбу? Неужели ребёнок хочет, чтобы она и Цзы Цзюньнин были вместе?

— Сяо Сянь, мертвых не воротишь, встань и съешь чего-нибудь? — Родственники столетнего старика смотрели на эту хрупкую, худенькую фигурку, застывшую ничком на земле, и думали, что она так убивается по умершему. Кто-то принёс мягкую подстилку. — Подложи её, когда будешь класть поклоны, чтобы колени не повредить.

— Спасибо. — Голос Сы Сянь был очень хриплым, а бледность лица заставила родственников проникнуться к ней ещё большим сочувствием, и они принялись настойчиво поднимать её. — Иди поешь.

Вместе с Сы Сянь ели ещё несколько младших членов рода. Сы Сянь молча ковыряла палочками рис в пиале, а мать, кормившая ребенка, положила ей в миску несколько кусочков мяса. В те времена никому не жилось сладко, но эта девочка из семьи Сы была способной к учебе, прямо как её третий дядя. Жаль только, что отец рано умер, а мать снова вышла замуж — ушла в посёлок, где её нынешним мужем стал вдовец с тремя детьми. Жизнь у них была не сахар, так что взять с собой Сы Сянь они, конечно, не могли, а второй дядя, приютивший племянницу на два года, уже выбивался из сил.

— Спасибо.

— После уроков приходи к тёте поесть. Пусть семья тёти не богата, но лишняя пара палочек за столом найдется.

— Спасибо, не стоит утруждать тётушку Лю, я могу ходить обедать к второму дяде.

— Ну ладно. — Женщина продолжила кормить своего малыша. — Когда пойдешь домой, захвати с собой немного батата.

— Угу, спасибо, тётя Лю. — В прошлой жизни Сы Сянь почти не запомнила эту тётушку Лю, помнила лишь, что та погибла во время тяжелых родов от судорог, и ребенка спасти тоже не удалось. Глядя на приветливую и щедрую тётушку Лю, Сы Сянь со сложным выражением лица уткнулась в миску, доедая предложенное мясо.

Хотя весна выдалась холодной и пробирающей до костей, по возвращении домой Сы Сянь даже вспотела. Она вытерла пот полотенцем, висевшим на табурете, и сделала глоток ледяной колодезной воды. Несколько кирпичей в печном очаге уже обвалились, и она прикинула, что сегодня же надо затопить печь. Открыв мешок, она обнаружила там помимо батата небольшой пакет белого риса — должно быть, это тётушка Лю подбросила. Сы Сянь сглотнула слюну: этого точно хватит на какое-то время, а как появятся силы, можно будет отправиться в посёлок. Ей хотелось найти там хоть какую-нибудь работу, а возможно, удастся повидаться с матерью. В прошлой жизни она ведь встречалась с матерью, и всё было так тяжело и неловко: мать из-за платы за её университетское обучение жутко разругалась с отчимом, и тот даже ударил мать у неё на глазах. С тех пор они с матерью виделись только тайком. В тот год отчим страдал от алкоголизма и заболел раком желудка, и мать умоляла Сы Сянь дать немного денег на операцию. Хотя у самой Сы Сянь тогда водились свободные деньги, она не могла проглотить затаенную с юности обиду, да к тому же ей срочно требовался оборотный капитал для собственного дела, поэтому она ответила отказом. Мать в конце концов кое-как наскребла немного денег, но это были лишь капли в море — разве может обычная семья справиться с раком? После похорон отчима мать, оставшись одна с ребёнком отчима на руках, прервала все связи с Сы Сянь. Позже лишь благодаря усилиям Цзы Цзюньнин, бравшей хлопоты на себя, мать пришла на её первую свадьбу.

Когда Цзы Цзюньнин умерла, мать тоже приходила навестить Сы Сянь — не для того чтобы утешить, а лишь чтобы бросить на неё долгий тяжелый взгляд. Уходя, она не позволила Сы Сянь проводить себя и бросила лишь одно: какое наказание. Отношения с матерью никогда нельзя было назвать близкими, но кровные узы оставались кровными. Она не знала, как именно сама она ушла из жизни в прошлой жизни: вот так взяла и переродилась, значит ли это, что та, прошлая она, тоже умерла? Наверное, она умерла в тот самый день, когда узнал о смерти ребенка? Тан Синь, должно быть, очень обрадовалась? Ведь теперь никто не станет отнимать у неё благотворительные фонды памяти Цзы Цзюньнин. Сы Сянь думала об этом очень долго, но так и не смогла вспомнить хоть кого-то, кто стал бы о ней горевать. Прежняя она, по сути, прожила очень неудачную жизнь.

Сы Сянь аккуратно пересыпала батат и пшено в кадку для риса. Снова надвигался вечер, и за окном опять уныло завывал ветер в ветвях дерева помело. До начала учебы оставалось ещё немного времени, и чем же занималось её Сяо Нин? Наконец-то её Сяо Нин не придётся спать холодной в урне с прахом, как же сильно она хотела её увидеть.

Она слишком отвыкла от физического труда и уже забыла, как растапливать печь. Едкий дым заполнил весь дом, перепугав игравших во дворе детей. Сы Сянь в кашле отступила во дворец,

а ребятня, разглядывая её испачканные сажей щеки, дружно скорчила рожицы и покатилась со смеху. — Конфуций, Конфуций!

Кто-то из детей постарше, окинув взглядом потуги Сы Сянь, спросил: — Сестрица, ты собралась разводить огонь?

Сы Сянь смущенно опустила сушняк: — Да.

— Сестрица, в твоём дымоходе уже сто лет не чистили сажу.

— Вот оно что...

— Мы тебе поможем!

— Я сам... — Сы Сянь не успела договорить, как один ловкий пацан, прихватив кирпич, уже карабкался на крышу. Сердце Сы Сянь ёкнуло, и её охладило беспокойство: хотя её глинобитный дом был невысок, но если упасть оттуда, придется полежать какое-то время. — Слезь, Сяо Мао.

— Сестрица, всё в порядке, Сяо Мао часто помогает чистить дымоход у себя дома, — раздался сладкий детский голосок. На крыше Сяо Мао снова соорудил рожицу, и стоявшая рядом маленькая девочка с косичками-баранками передразнила его: — Чубчик, чубчик, смотри не отбей себе задницу, ха-ха!

— Ничего я не отобью, — покачиваясь, прошагал по крыше Сяо Мао, и тут же другой ребёнок с пеньковой веревкой в руках вскарабкался на дерево помело. Два сорванца споро и ловко принялись за чистку дымохода, а маленькая девочка тем временем потянула Сы Сянь за руку: — Сестрица, ты пошла в старшую школу? Ты поедешь учиться в Пекин в университет?

В прошлой жизни Сы Сянь училась в университете на юге. По-прежнему тревожно глядя на детей на крыше, Сы Сянь ответила: — Пойдемте-ка лучше притащим охапку соломы.

Не успела она договорить, как оба ребёнка соскользнули по стволу дерева помело вниз. Их личики были измазаны сажей, а белые зубы сверкали в улыбке: — Наших силенок не хватит, пойду позову нашего дядю.

Когда подросел дядя ребяташек, Сы Сянь нахмурилась — этот дюжий парень показался ей смутно знакомым. Точно! Она вспомнила! Это же её одноклассник, её одноклассник из старшей школы! Учился неплохо, ростом вышел богатырским, человек добрый и простодушный, и тогда некоторые девчонки в классе по нему вздыхали. Сейчас стоял 1995 год, да, именно этот год: примерно к началу учебного года разразился скандал из-за того, что его застали целующимся с парнем из соседнего класса, после чего из-за драк с учениками из параллели его исключили из школы. Деревенские свято верили, что в этого бугая вселился

злой дух, раз его потянуло на мужчин, и упрятали его в поселковую лечебницу, а что было дальше, она уже не помнила, но конец его ждал страшный-страшный.

<http://bllate.org/book/21764/2250608>